

* * *

— Пора счастливая была —
Когда всё смел и мог.

— Пора счастливая прошла,
Когда всё смел и мог.

— Зачем же ты не брал всего,
Когда всё смел и мог?

— Вполне хватало и того,
Что жил. И смел. И мог.

* * *

— Никому не перечя на свете,
Ты прокрался, неслышно скользя,
Ты неслышно прокрался в бессмертье.
— Но прокрасться в бессмертье — нельзя.

— Коль нельзя так неслышно пробраться
И незыблем бессмертья закон,
Как в бессмертье ты смог оказаться?
Значит, был ты бессмертным рождён?

— Просто песня моя о свободе
Так была весела и пряма,
Так наивна, что стража на входе
Раздалась вдруг неволью сама!

* * *

От далёкой дороги усталый,
Я впервые в Москве побывал...
Я Москвы — не увидел сначала.
Я увидел — огромный вокзал.
В неоглядно вознёшемся зале,
В ярком свете, пожем на мглу,
Пили, ели. И пели. И спали.
На скамьях, на тюках, на полу.
Билась радость, томилась обида.
В беглом взгляде мелькала вина.
За спиной старика инвалида
Громовая стояла война...
Я на площадь широкою вышел —
Долгожданного счастья глотнул.
Я сначала Москвы — не расслышал.
Но расслышал — рокочущий гул.
Необъятно-глухой, разноликий.
Обдающий дыханьем густым.

Разнозначаций. Разноязыкий.
Над землею стоящий, как дым.
Бились скомканно звуки, срывались —
Резко дыбились. С разных сторон
Накатившись — скрестились, смешались
Вологодчина, Курщина, Дон.
Обнажив свои дали сквозные,
Все дороги свои и поля,
Вся огромная встала Россия.
Вся безмерная встала земля.
Осетинов и финнов — и сванов —
И туркменов — слились голоса.
Вись нагорий — ширь океанов.
Раскалённые льды — и леса.
И подрагивал купол тяжёлый.
И — как ветер тяжёлый — гудел.
И железный — из рупора — голос
Несгибаемо твердо гремел.

* * *

Через год, через два, через двадцать
Всё равно оглушённо поймёшь:
Никуда, никуда не деваться
От судьбы, занесённой, как нож.
Никуда — даже если заплатишь
Неотступным, сверлящим стыдом.

Даже если тот нож — перехватишь,
Вспять его обратишь остриём.
От блестящего, острого взгляда,
Наведённого в сердце тебе,
Никуда и деваться не надо.
Надо выйти навстречу судьбе.

* * *

Над плотной насыпью привстав,
Напряжена, пряма, отлога, —
Как оглушительный состав,
Рванулась вдаль — и ввысь — дорога.
Тугой, натянутой струной
Приподнялась, затрепетала.

И тут же — всей своей длиной —
Бессильная, к земле припала.
Среди лугов, лесов, светясь,
Горит зовущей красотою —
Полуоборванная связь
С неотвратимой высотой!..

* * *

Ветер, тучи. Грозы-скороливы!
Говорливы, жгуче-торопливы!
Налетевший, пролетевший зов.
Ветви, шум. Обрывки голосов.
Ветер. Руки голы, ноги босы.
Мокрым ветром пахнущие косы.

По широким листьям стукоток.
Свет короткий. Парусом платок.
Крупных капель плотная ядрённость.
Вздоргну, с громом радость разделю.
Погонюсь, настигну — не дотронусь.
В блеск и ветер душу изолью.

Ночь

Прохладной сырости наплывы.
Внезапной свежести прилив.
Кусты. Как шёпот торопливый,
Прерывистый — листвы порыв.
Сквозь лёгких веток блеск дрожащий
Невидимое до конца

Воды мерцанье. Как горящий,
Меняющийся свет лица.
Невнятно-близкое дыханье
Кустов. Воздушна, молода,
Вода. Лицо. В лице — пыланье
Восторга, ужаса, стыда.

Природа

Разлом горы кровотоचाщ и свеж.
Цвета земли угрюмо-жгучи.
И, как подспудно зреющий мятеж,
Сгущаются на горизонте тучи.

Лес ропщет, ветер трубит, встаёт песок.
И, слыша близящуюся опасность,
Я забываю, что я царь и бог,
И к бунту чувствую причастность.

* * *

Летит над пашней чёрный ворон.
Мне щёку тенью обожгло.
Смотри, как широко простёр он
Своё тяжёлое крыло.
Летит он, грузный, издалёка,
Устало голову пригнув.
Взгляни, как жадно смотрит око,
Как хищно нависает клюв.
Летит он, старый, из былого,
Из выжженных густых лесов.

От трупов поля Куликова,
Оставленных в траве голов.
Из-за клубящегося дыма
Давно сгоревшего костра.
Озёр иссохших мимо. Мимо
Наполеонова шатра.
Над гулкой славою победной,
Над сетью древних, новых рек.
Над головой моею бедной
Издалека — в грядущий век.

Капля

Растянута, искривлена,	Уже не сползает — бежит.
Взбухая, как будто бы зрея,	И вот — добежала до края.
Зигзагом по крыше она	Но прежде чем вниз, как стрела,
Сползает. Быстрее. Быстрее...	Рвануться свободно и жадно,
И вот, округлившись на вид	На самом краю — замерла.
И путь свой по ходу спрямляя,	И медлит, и медлит нежданно...

* * *

Как жизнь, скажите, в поезде идёт?
Кто спит, кто бодрствует. Кто ест, кто пьёт.
Одновременно стучают колёса.
Одновременно крестик-самолёт
Квадрат окна пересекает косо.
Одновременно радио поёт.
Игривый ветер распушает крону.
И девушка проходит по перрону.
Смотри, смотри — сейчас она пройдёт.
Кто ходит, кто сидит. Кто ест, кто пьёт.
В окне закат багряный догорает.
Одновременно радио играет.
И мысль томится. И душа страдает.
И быстрое пространство пролетает.
И время безвозвратное течёт.

Пророк

Когда божественный глагол,	Возвысившийся над людьми,
Как гром внезапный, разразится,	В пьянящее соседство бога
И смертно потрясённый дол	Почти вступивший, не возьми
Взликует и преобразится,	Ты на себя излишне много.
И свет произойдёт из тьмы	Ты не сочти из простоты
И возблестит, на землю рушась,	Мгновенного, гордыней болен,
И, словно холодок зимы,	Что волен слышать голос ты
Проникнет внутрь священный ужас,	И голоса не слышать волен.

* * *

На древнем человеческом погосте,
В могильной стоя глубине,
Беру я в руки человечьи кости.
Их в руки брать не страшно мне.
Бесцветные, идущие на убыль,
И гладкие, как будто из стекла.
И хрупкие и лёгкие, как уголь.
Из них и жизнь ушла — и смерть ушла.

* * *

Как по деревне танки шли!	Шли не чужие, шли свои.
Как клацали, как грохотали	И не на битву — на ученье.
Плывущие поверх земли	Избушки, сбившиеся в ряд
Зазубренные глыбы стали.	Пред медленным железным рядом,
Они не шли во весь опор —	Пугливо сжались. Дрогнул взгляд
Им узкий коридор был тесен.	Под медленным железным взглядом.
Но как могуч был их напор,	К земле прирос. Ну что же вы
Как непреклонен, как железен.	Как виноватые стоите,
Ровняя жёсткие строи	Поднять не смея головы?
В сгущающемся напряженье,	Кричите же «ура», кричите!

* * *

На тяжкий твой венец терновый
Гляжу сквозь дымные года
Из края дальнего, другого,
В каком ты не был никогда.

На утолительное слово
Надежды, гордости, стыда
Гляжу из возраста другого —
В каком ты не жил никогда.

На труд суровый, свод свинцовый,
На подвиг горней высоты
Гляжу из времени другого —
В каком и в мыслях не был ты.

Другие в мир пришли печали.
И холод в мир пришёл другой.
И с каждым годом — дале, дале,
Древней и дале — голос твой.

И с грустной ясностью во взгляде —
Неизбежимо в каждом дне,
Неотвратимо в каждой пяди! —
Ты — путь подсказываешь мне.